

Современный внешнеполитический курс Соединенных Штатов на сохранение мирового лидерства, проводимый под лозунгом «партнерства во имя мира» и реализуемый в форме расширения глобальных функций Североатлантического альянса, полностью вписывается в концепцию цивилизационной антропологии, которая изучает вопросы развития цивилизаций и крупных государственных образований на основе динамики мотиваций элит и других значимых общественных групп социума.

В XX веке США трижды принимали участие в конфронтационном противостоянии международных систем. Сюда можно отнести две мировые войны и одну «холодную», главным итогом которых было последовательное возрастание роли США на мировой арене. В течение одного столетия «Америка превратилась из страны, изолированной в Западном полушарии, в державу мирового масштаба по размаху интересов и влияния».

Это привело к тому, что «ни одна значительная проблема не может быть сегодня решена без участия США или их активного противодействия».

С момента опубликования доктрины Монро в 1823 году и по настоящее время Соединенные Штаты оказывают возрастающее влияние на формирование мирового порядка, в котором они остаются единственной сверхдержавой, сохраняющей лидирующее положение в мире.

В XXI столетие США вступили в статусе мирового лидера, которому все труднее удержаться на мировом Олимпе из-за целого ряда военно-политических просчетов в своей внешней политике на фоне кризисного состояния национальной экономики. Это ставит под сомнение незыблемость американского мирового порядка и актуализирует вопрос исследования истоков и движущих сил американского лидерства, а также перспектив его удержания при усиливающейся конкуренции на мировой арене со стороны нарождающихся центров силы и влияния.

Отсюда закономерен вопрос: возможна ли трансформация мирового порядка, основанного на принципе американоцентризма, к миру, построенному на основе полицентризма, или же к монополярности нового образца? При кажущемся коренном различии «однополярного» проекта от «многополярного» оба они, в сущности, близки друг другу, так как конкурируют между собой в рамках одной парадигмы, означающей противостояние сил на международной арене на основе принципа «один против всех».

Но в динамике современной глобализации прослеживается еще одна тенденция - это процессы локализации. Мир становится глубоко фрагментированным вследствие роста конфликтогенности и социальной энтропии, распространения социальных войн и применения технологий «управляемого хаоса» для дестабилизации

социально-политической обстановки в отдельных странах. На первый взгляд данная модель мироустройства совершенно не вписывается в американскую концепцию удержания лидерства. Но это не так. Ситуация «управляемого хаоса» позволяет Америке реализовать на практике древний римский принцип «разделяй и властвуй», который был взят на вооружение в последние годы, когда стало ясно, что война - это слишком дорогое «удовольствие», сопровождающееся уничтожением ценных природных и людских ресурсов.

На пути к глобальному лидерству Америка делала ставку исключительно на силовое решение международных проблем. Недаром немецкий ученый К. Шмит писал, что «в 1898 г. США начали войну с Испанией, а затем и против всего мира, и конца этой войне не видно». Культ силы, доктрина predetermined судьбы американского народа, воплотившиеся в геополитических концепциях Х. Маккиндера, адмирала А. Т. Мэхэна, Н. Спайкмена, в доктрине Монро, универсализме В. Вильсона, и которые были отождествлены с интересами всего человечества, - вот составляющие элементы идеологии мирового господства США, сложившиеся на рубеже XIX-XX веков и с тех пор не претерпевшие значительных изменений.

История американского экспансионизма началась с публикации доктрины Монро и была основой внешней политики США на протяжении всего XX века, завершившегося развалом СССР и установлением контроля над странами Восточной Европы путем их присоединения к НАТО и расчленения Югославии.

Успех стран Запада в «холодной войне» против СССР и его союзников был закреплен в новой редакции доктрины Монро, получившей название «доктрина Клинтона-Олбрайт», согласно которой НАТО присвоила себе глобальную ответственность за международную безопасность, стремясь потеснить ООН на международной арене. Таким образом, модифицированная доктрина Монро превратилась в инструмент завоевания геополитических пространств с целью реализации экспансионистских устремлений Соединенных Штатов, создания Большого пространства американской гегемонии в Западном полушарии с целью политического и экономического подчинения стран Западного полушария. В результате реализации этой доктрины латиноамериканские государства превратились в американские протектораты, в определенный период своей истории лишенные всякого реального суверенитета и сохранявшие лишь его внешнюю атрибутику.

На следующем этапе развития американской геополитической мысли формируется концепция универсализма, изложенная президентом США В. Вильсоном на Парижской мирной конференции, которая состоялась после окончания Первой мировой войны и завершилась подписанием Версальского мирного договора в 1918 году. В это время усилия Вашингтона были направлены на превращение только что созданной Лиги Наций в инструмент установления англосаксонского мирового господства путем включения, по требованию Вильсона, положений доктрины Монро в Устав Лиги Наций. Считается, что с этого момента доктрина Монро покинула территорию Западного полушария и направила свой взор на Европу и Азию, превращаясь из инструмента американской региональной политики в доктрину мирового господства.

Как показательно проговаривается А. Л. Ловелл, «экспансионизм есть сущность англосаксонской расы. Отказаться от экспансионизма было бы предательством. Экспансионизм является законом природы. Наша нация не будет в состоянии выжить, если она не будет подчиняться этому закону». Из сказанного можно сделать вывод, что «законы природы» делают экспансионизм биологическим императивом США. По убеждению американской политической элиты, исходя из расового превосходства англосаксов, Соединенным Штатам суждено победить в борьбе за мировую гегемонию.

Официальная американская пропаганда уже в начале XX столетия изображала войны за захват Кубы, Филиппинских и Гавайских островов, а также Пуэрто-Рико, то есть первые войны США за передел мира, как «освободительные» и направленные на защиту населения этих стран от иностранного гнета. При этом в американской пропаганде широко использовалась подмена понятия «агрессия» на такие понятия, как «защита» и «опека».

Американский президент Т. Рузвельт в своей политической деятельности придерживался откровенно милитаристских установок. В своей книге «Завоевание Запада» он писал: «...никакой триумф мира не является столь великим, как высший триумф войны». Здесь же он отмечает, что завоевание «дикого Запада» белыми поселенцами является расовой войной между англосаксами и индейцами, и эта война была по воле судьбы «доведена до логического, с точки зрения расового социал-дарвинизма, конца».

В послании Т. Рузвельта американскому конгрессу 6 декабря 1904 года говорилось: «Хронические правонарушения или бессилие, приводящее к распаду всех устоев цивилизации, могут, в конце концов, привести к необходимости интервенции цивилизованных стран, заставляя их выполнить обязанность международной полицейской силы».

Детерминировали данную идею во времена правления администрации В. Вильсона Дж. Левин и Н. Гордон, которые утверждали, что «народы, отделившиеся после распада России, Австро-Венгрии и Турции, в своем подавляющем большинстве совершенно необразованные. Большинство из них или не в состоянии управлять собою или проявляют явную недостаточность в силе самоуправления. Эти народы потребуют долговременного ухода и воспитания для достижения экономической и политической самостоятельности».

Исследователи американской политической мысли писали, что экономический империализм Т. Рузвельта, выраженный в политике «открытых дверей», являлся той же войной, но с применением других средств, которые в наше время облечены в форму стратегий «мягкой силы» и «непрямых действий». «Война - это экстремальная кульминация экономического соперничества между странами. Это означает, что международное экономическое соперничество, осуществляемое с целью завоевания новых рынков, должно неизбежно закончиться войной. Вся предыдущая история является подтверждением этого неоспоримого факта. Политика "открытых дверей" должна вестись безмилостно и беспощадно».

Подтверждение этому мы можем найти в другом источнике, в котором политика «открытых дверей» характеризуется как «полное экономическое проникновение, имеющее то же эффект, что и территориальная оккупация».

Еще в начале XX века американский историк Б. Адамс в своих трудах предвосхитил начало «холодной войны». Он пришел к выводу, что планы установления американского мирового господства, которые подразумевают гегемонию и контроль над евразийским континентом, неминуемо приведут к конфликту с Россией. В своей статье «Новая индустриальная революция» он пишет, что «американцы должны понять, что это будет война не на жизнь, а на смерть. Это будет война не против отдельной нации, а против целого континента. В мире нет места двум империям. Один организм должен победить и уничтожить другой. Слабый организм должен погибнуть».

Таким образом, можно утверждать, что статья Б. Адамса явилась первым стратегическим документом не только планирования будущей «холодной войны», но и всей последующей политики Вашингтона на евразийском пространстве.

После окончания Первой мировой войны американские доктрины «Предопределенной судьбы», Монро и «открытых дверей» слились воедино в вильсоновском универсализме. В. Вильсон не только придал им глобальный характер, но и представил их предначертанными по воле Бога. Более того, он договорился даже до того, что сравнил себя если не с Богом, то, по крайней мере, с его сыном.

«Почему, - вопрошал Вильсон, - Иисус Христос не добился того, что бы мир уверовал в его учение? Потому что он ограничился проповедью идеалов, но не указал практических средств для их достижения. Я предлагаю осуществимый план доведения до конца стремления Христа».

Следуя идеологическим шаблонам своей доктрины, загримированным под «универсальные интересы человечества», Вильсон определил назначение Лиги Наций, которая должна была стать инструментом для создания американского мира. Он провозгласил: «Нам нужно решить единственный вопрос: вправе ли мы отказаться от руководства, примем ли мы или отвергнем доверие мира. Все готово. Перст судьбы указывает нам путь. Это случилось не по плану, составленному человеческими руками. Нас ведет Бог. Мы не можем отступить. Мы можем лишь следовать вперед со взором, устремленным к небесам, и с бодрым духом. Америке суждено указать истинный путь».

В 1914 году В. Вильсон заявил, что «США стремятся зажечь свет, которого мир никогда прежде не видел, - свет свободы, принципов и справедливости». Таким образом, в недрах американского политического истеблишмента была создана ортодоксальная политическая теория гегемонии США, превзошедшая по своей догматичности католическую церковь в прошлом. Не случайно К. Шмит характеризовал идеи мирового господства Вильсона и их теологическое обоснование как абсурдные.

Сразу после окончания Первой мировой войны В. Вильсон создал государственную комиссию по разработке плана расчленения Советской России, в секретных

комментариях к которому были «14 пунктов Вильсона», реализация которых, как считали в Вашингтоне, было делом времени. В комментариях американского президента отмечалось, что Россия «слишком велика и гомогенна для нашей безопасности. Я бы хотел видеть Сибирь как отдельное государство, а Европейскую Россию расчлененной на три части».

Таким образом, «русский вопрос» должен был окончательно решиться посредством расчленения Советской России на отдельные самостоятельные области, подконтрольные Соединенным Штатам. В соответствии с планом Вильсона предполагалось всю Россию разделить на области, обладающие собственной экономикой, но при этом ни одна область не должна быть достаточно самостоятельной, чтобы образовать сильное государство.

Возможную судьбу России после ее расчленения на отдельные квазигосударства можно проиллюстрировать на примере Кубы после ее захвата Соединенными Штатами в 1901 году. Как известно, оккупационный режим на Кубе сохранялся до тех пор, пока ее правительство не приняло «поправку Платта» в качестве приложения к своей конституции. Важнейшими статьями «поправки Платта» были 1, 2, 3 и 7. Статья 1 запрещала Кубе заключение договоров с иностранными государствами- 2-я ограничивала право Кубы брать иностранные займы- 3-я предусматривала право США на интервенцию и лишала Кубу возможности проведения независимой внешней политики- 7-я закрепляла контроль Вашингтона над Кубой, а также обязывала ее продавать или сдавать в аренду территорию под склады и базы. Кроме того, все акты Законодательного собрания Кубы подлежали утверждению Соединенными Штатами. Парадоксальной особенностью данной поправки является то, что всякая попытка самоопределения и установление национальной независимости Кубой считалась противоречащей собственной конституции.

Однако мирового господства после Первой мировой войны Соединенным Штатам установить не удалось. Зато доктрина Монро была включена в Устав Лиги Наций в виде статьи 21, что не только сузило правовые рамки этой организации, исключив из ее юрисдикции сферу влияния США, но и привело к подрыву существующего тогда международного права. Недаром К. Шмит заявил, что включение доктрины Монро в Устав Лиги Наций явилось первым поражением Европы от США и началом распада господствующих принципов международного права, исторически сформировавшегося в период между Вестфальским миром в 1648 году и Венским конгрессом в 1815-м, действующих до сих пор.

После Второй мировой войны продолжилось расширение геополитического пространства Америки, но уже в русле геополитической концепции Х. Маккиндера. Согласно его концепции внутреннее пространство Евразии, называемое им «осевым регионом» мировой политики - «Хартлендом» и в основном совпадающее с территорией Советского Союза, играет ключевую роль в плане завоевания Америкой мирового господства. Основной принцип его концепции был сформулирован в известной геополитической максиме: «Кто правит Восточной Европой, тот господствует над Хартлендом. Кто правит Хартлендом, тот правит Мировым островом. Кто правит

Мировым островом, тот господствует над миром».

Ф. Рузвельт считал, что объединение стран евразийского континента будет представлять опасность для США в экономическом и политическом отношениях. Поэтому американская внешняя политика после Второй мировой войны была направлена на установление американской гегемонии в Европе. Создав НАТО в нарушение Устава ООН, запрещавшего военные союзы, не имеющие регионального характера, и развивая концепцию доктрины Монро, США подчинили себе в военном и политическом отношениях не только побежденные Германию, Италию и Японию, но и своих недавних союзников.

После окончания «холодной войны» на смену биполярному устройству мира пришла новая американоцентричная система мирового экономического и политического мироустройства, в котором реализация политики «открытых дверей» сделала глобализацию реальностью.

В настоящее время экспансия США «проявляется в форме "глобальной вовлеченности" Америки в экономическую, политическую и культурную трансформацию мира».

Биполярная конфронтация с СССР дала время Соединенным Штатам сформировать новую структуру международных отношений, создать сеть международных институтов и структур безопасности с подключением к ним других стран. Объединяющее напряжение «холодной войны» способствовало интеграции Запада в его борьбе с лагерем социализма и заложило основы процессов глобализации.

Ослабление экономик европейских стран вследствие Второй мировой войны, приведшее к уменьшению политического веса Европы в международных делах, создало ситуацию, позволившую Соединенным Штатам занять ведущее место в мировой политике, соответствующее их возрастающей мощи и влиянию. Американские политические стратеги полагали, что в условиях послевоенного ослабления Европы США получили уникальную возможность сформировать мировой порядок на принципах, которые бы полностью соответствовали их интересам.

Как полагали в политических кругах Америки, наступило время для окончательного отказа от изоляционизма и выхода на опустошенную мировой войной европейскую арену с целью установления там новой системы международных отношений, гарантом которой готовы были стать США. Зб. Бжезинский подчеркивал, что «предотвратить появление на международной арене доминирующей и антагонистической евразийской державы - остается центральным моментом в плане способности Америки осуществлять свое мировое лидерство». «В Евразии первостепенной задачей является создание таких условий, когда ни одно государство или коалиция государств не смогла бы вытеснить США или уменьшить их решающую роль».

Успех стратегии США в Европе в послевоенный период ее восстановления в значительной степени предопределил план Маршалла, являющийся поворотным моментом в истории Америки на ее пути к достижению глобального лидерства. План

Маршалла, выраженный в форме Программы восстановления Европы (ПВЕ), как представляется в настоящее время, ознаменовал собой системообразующий механизм формирования западного альянса, ведомого США, а Америку превращал в империю нового типа - «империю по приглашению». Соединенные Штаты оказались в положении стороны, приглашенной странами Западной Европы. Объясняется это тем, что в послевоенных условиях США были единственной страной, которая могла оказать экономическую помощь для восстановления европейских стран. Инициировав данное «приглашение» и умело им воспользовавшись, Вашингтон получил взамен согласованную политику западноевропейских государств на многие годы. Более того, здесь прослеживается связующая роль плана Маршалла с генезисом «холодной войны», который заложил основы атлантической солидарности, реализованные в создании блока НАТО.

Однако на пути закрепления глобального доминирования Соединенных Штатов мешало отсутствие общей угрозы, фактора, необходимого для цементирования американского глобализированного мира «открытых дверей». В первое десятилетие после окончания «холодной войны» это обстоятельство разъедало атлантическую солидарность, поскольку без враждебной силы, угрожающей международной безопасности и стабильности, прочность связующих нитей Альянса не может считаться гарантированной.

Цели и задачи, заложенные в 1947 году госсекретарем США Маршаллом, лежат в основе американской внешней политики и в настоящее время. Отличие состоит в том, что после окончания «холодной войны» и образования вакуума влияния в странах постсоветского пространства Соединенные Штаты по-прежнему иницируют предоставление «помощи» данным государствам на условиях их зависимости от Вашингтона. Нынешний американский геополитический экспансионизм Зб. Бжезинский называет «вторжением в геополитический вакуум Евразии».

Но здесь перед Вашингтоном стоит сложная задача выработки политики в отношении стран, оставшихся за пределами западного мира, хотя и связанного с ним определенными отношениями. К таким странам относятся, прежде всего, Китай, Россия и Индия. Именно они могут претендовать на собственную значимую роль в мировой политике. Ввиду того, что это - ядерные державы, силовые варианты действий в отношении их исключаются. Поэтому в отношении данных стран Вашингтон применяет стратегии «непрямых действий» и «мягкой силы» с надеждой, что в будущем возникнут благоприятные условия для использования технологии «управляемого хаоса» с целью организации «цветных революций» для установления в данных странах проамериканских режимов.

Что касается независимых государств постсоветского пространства, то их руководство строит свою политику на основе использования противоречий интересов великих держав. Это порождает непоследовательность политических курсов означенных государств, которые, принимая помощь стран Запада и участвуя в различных международных программах и проектах, не упускают возможности выторговать какие-либо привилегии и уступки и со стороны России. Кроме того, руководители

данных государств прекрасно понимают, что модернизация своей экономики, силовой и хозяйственной инфраструктур за счет внешних источников делает эти страны зависимыми от стран-доноров, ухудшение отношений с которыми в случае изменения политического курса может привести к кризису или даже смене режима. Из этого можно сделать вывод о том, что повторения ситуации, которая сложилась в Западной Европе в послевоенный период и обеспечила успешную реализацию плана Маршалла, сейчас не наблюдается.

Вряд ли в XXI веке история сделает исключение для Соединенных Штатов. На новом витке исторического развития неизбежно возникнут новые центры силы, которые будут противостоять США, пытаясь вытеснить их на вторые роли на международной арене. При этом речь идет не столько о силовом противостоянии, сколько об объединенном политико-экономическом и культурно-информационном противодействии стран, не желающих испытывать на себе давление США.

Но пока еще Соединенные Штаты сохраняют позиции мирового лидера. В связи с этим возникают закономерные вопросы: что лежит в основе их более чем векового геополитического господства, и как долго оно может продлиться? Почему центры силы, претендующие на глобальную роль, не могут перехватить инициативу у Соединенных Штатов и выйти на лидирующие позиции, и что им для этого необходимо сделать?

Причины американской гегемонии можно объяснить с позиций исторической антропологии. Как и во всякой общественной системе, в американском обществе имеет место разделение на две далеко не равные части: основная масса населения создает национальные богатства и занята в сфере услуг, а меньшая - работает в области разработки и внедрения инновационных технологий, занята в сфере государственного управления. Таким образом, большинство населения создает материальную основу общества, его богатства - а меньшинство - эффективно управляет этими ресурсами и занимается инновациями.

При этом сильной стороной американского общества является совершенство и умелое применение средств, ценностей и стимулов, которые побуждают людей наращивать потребление товаров и услуг. В США мотивационные потребительские компрессоры развивались в течение всего XX века, оказывая психологическое воздействие на поведение людей, и шли параллельно с экономическим развитием. Здесь следует вспомнить, что первоначальный толчок потребительскому буму дали американское конвейерное производство товаров и соответствующая ему товарная реклама - затем в ход пошла продажа акций и предоставление потребительских кредитов населению, поддерживаемые масс-медийной и брендовой рекламой товаров и услуг. Сейчас наступила эпоха виртуализации мотиваций и потребностей людей с переходом от акцентирования на качестве продуктов к предоставлению комфорта, удовольствий и престижа обладателей какого-либо товара.

В результате экономика, стимулированная спросом, порожденным мотивационными компрессорами, выбрасывает на рынок все большее количество разнообразных товаров и невероятно разгоняется в своем росте. Происходит неоправданно быстрая смена

товаров внутри каждого бренда в целях стимулирования роста продаж и, следовательно, прибыли корпораций.

В то же время мотивационные компрессоры потребления, наиболее развитые в странах «золотого миллиарда», оказывают влияние на умонастроения у населения стран третьего мира, порождая потребности, не соответствующие уровню экономического развития данных стран. Это ведет к дестабилизации социально-политической обстановки и неконтролируемой миграции в страны Европы.

Соединенные Штаты будут сохранять мировое лидерство до тех пор, пока интеллектуальная, политическая и бизнес элиты страны будут уделять внимание инновационному развитию. Но как только начнет затухание инновационной мотивации в американском обществе, и его творческая часть начнет переходить в группу потребителей материальных благ под действием мотивационных компрессоров потребления, Соединенные Штаты будут вынуждены уйти с мирового Олимпа.

А есть ли претенденты на мировое лидерство, и что они должны для этого сделать?

Все критики мировой гегемонии Америки (из России, исламского мира, Китая, Индии и стран Латинской Америки) страдают одним общим недостатком: они еще не до конца сознают глубинную сущность современного лидерства. США являются мировым гегемоном не только и не столько потому, что используют экономическую, военную и культурную силу, а потому что широко используют инновации, трансформируемые в военно-политическую и экономическую мощь. Всем государствам, претендующим на это звание, следует понять, что стать лидером в современном мире можно только за счет сочетания двух главных факторов: разработки и широкого внедрения самых передовых инноваций и наличия универсальной цивилизационной доктрины государства. Высокий уровень общественного богатства позволяет Соединенным Штатам сохранять лидерство за счет притока из-за рубежа творчески мыслящих людей, которым создаются условия для реализации своих способностей и труд которых хорошо оплачивается.

Что касается цивилизационного проекта, то здесь перед мировыми цивилизациями, потенциально претендующими на мировое лидерство, встает вопрос о его наличии и перспективах его признания в мировом сообществе. Индия предлагает миру философские и культурные ценности индуизма. Однако они не обладают универсальностью, и вероятность принятия их в качестве общей цивилизационной платформы низка. Латинская Америка, после очередной радикализации общественной жизни, предлагает миру концепцию социализма с латиноамериканским лицом, построенную на сочетании католицизма и революционного марксизма. Тем не менее и этот проект также имеет сугубо региональное значение и не может претендовать на универсальность.

Исламский мир предлагает мировому сообществу духовные и культурные ценности ислама в широком спектре социально-политических реализаций: от традиционной версии до радикального фундаментализма. В настоящее время мы наблюдаем активное продвижение исламского проекта в странах Ближнего Востока, Северной Африки,

Европы и в некоторых регионах России. Но на данный момент его перспективы представляются недостаточно ясными.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что миропроекты Индии, Латинской Америки и исламского мира не могут выступать в качестве универсальных цивилизационных основ для большинства населения Земли, что не дает возможности данным странам претендовать на роль мировых лидеров. Что касается Европы, то она после Второй мировой войны все еще остается в фарватере внешней политики США, является их ближайшим союзником и поэтому не в состоянии выдвинуть свой цивилизационный проект мирового значения, сравнимый с американским проектом либеральной демократии или советским проектом коммунистического Интернационала. Причина в том, что американский цивилизационный проект основан на европейской философии гуманизма эпохи Просвещения, а для того чтобы предложить миру что-либо принципиально новое, Европе необходимо будет решительно отказаться от всего философского и культурного наследия прошлых веков - что в настоящее время не представляется возможным.

При этом сильной стороной американского цивилизационного миропрокта является отсутствие конфессиональной, национальной и культурной привязки, что придает ему универсальный характер. Более того, в нем в полной мере используются современные стратегии и технологии глобализации в экономической, информационной и культурной сферах человеческого общества. Это придает ему адаптируемость к реальным условиям существования различных социумов.

Россия в ходе социально-политической трансформации решительно отказалась от мирового коммунистического проекта, который имел универсальный характер. Это привело к отказу от роли мирового лидера, что освободило место для США на мировом Олимпе. Советскому Союзу попросту не хватило ресурсов для того, чтобы удержаться в числе фаворитов в гонке за лидерство двух сверхдержав. Дефицит интеллектуальных ресурсов советского партийного руководства отчетливо проявился в области инноваций, когда в 1950-х годах были отвергнуты такие прорывные научные направления, как кибернетика, генетика и некоторые другие. Это положило начало отставанию в вычислительной технике, биотехнологиях и социально-политических науках. Сегодняшние усилия России в области инновационного развития пока не принесли результатов. Поэтому внимание российского руководства сосредоточено не на разработку нового цивилизационного проекта, а на удержание постсоветского пространства в своей зоне влияния, на недопущение проникновения в него внешних сил.

Китай, несмотря на значительные успехи в экономическом развитии и освоении новых технологий, в отношении цивилизационного миропрокта находится в русле Америки. Видимо, в Пекине рассчитывают на завоевание гегемонии за счет перехвата мировых функций США в финансово-экономической и военной сферах, но только после того как американцы начнут сдавать позиции на международной арене. Трудно судить о происходящих в Китае процессах в данной области. На фоне впечатляющего роста экономической и военной мощи Пекин до сих пор не предложил миру ни одной значимой политической инновации глобального значения. Представляется, что китайское

руководство пойдет своим путем.

В этом плане, по нашему мнению, представляет интерес рассмотрение вероятных сценариев динамики лидерства на международной арене на среднесрочную перспективу:

1. Сохранение в долгосрочной перспективе Соединенными Штатами своей лидирующей роли за счет высокого инновационного потенциала, обеспечивающего их превосходство в экономической и военной областях, а также за счет некоторой адаптации западного цивилизационного проекта.

Прорывное экономическое развитие одного из государств, которое заявит свое право на лидерство сначала посредством применения экономических рычагов, а затем, если возникает такая необходимость, и военным путем, последовательно расширяя свои географические границы и ареал своей сферы военно-политического и экономического влияния. Возможно, в перспективе это место окончательно займет Китай.

На роль мировых лидеров претендуют несколько государств и квазигосударственных транснациональных, трансграничных образований, формирующих свои военно-политические союзы (НАТО, Второй арабский халифат, ШОС, Евразийский союз, транснациональные корпорации), что приведет к фрагментированному сообществу соперничающих между собой различных центров силы и влияния.

При этом все три сценария нельзя рассматривать как антагонистические альтернативы. Их осуществление зависит от геополитической динамики всего мирового сообщества. Развитие по первому сценарию возможно при постепенном социальном, экономическом и инновационном развитии ведущих субъектов международного сообщества, что создаст благоприятные условия для Соединенных Штатов.

Второй сценарий возможен при прорывном экономическом и инновационном развитии хотя бы одного из претендентов на мировое лидерство, который изменит геополитический баланс сил в свою пользу.

Третий сценарий может осуществиться при успешном экономическом и инновационном развитии сразу двух и более государств, которые фрагментируют международное сообщество на конкурирующие между собой блоки и коалиции.

В качестве альтернативы всем предыдущим сценариям можно предположить ситуацию, когда на роль мирового гегемона станет претендовать не одно или несколько государств, а некая транснациональная организация или некое трансграничное сетевое сообщество, не имеющее государственной привязки, существующее в виртуальном пространстве глобальных коммуникаций, но способное управлять мотивациями социумов, что и было недавно опробовано в ходе революционных событий так называемой «арабской весны». Однако для появления такого «виртуального гегемона» потребуется довольно продолжительный период времени, что выходит за рамки рассматриваемого прогноза.

